Религіозно-философская
БИБЛІОТЕКА
Выпускъ IX.

АЛЬТРУИЗМЪ
И
ХРИСТІАНСКАЯ ЛЮБОВЬ.

А. А. Тихомировъ.

Вышній-Волочекъ.
Типографія В. С. Соколовой.
1906 г.

Проз 38
Проз. 1959
1201

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
Цензоръ Іеромонахъ Александръ.

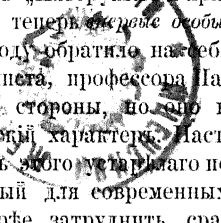
С.-Петербургъ 21 Декабря 1904 г.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
559
27

АЛЬТРУИЗМЪ
И
ХРИСТІАНСКАЯ ЛЮБОВЬ*)

I.

Въ нравственной жизни человѣка проявляются два основныя чувства, на которыхъ воздвигаются и системы морали: это такъ называемый „альтруизмъ“ и христіанское чувство „любви“. Вопросъ объ отношеніи между ними чрезвычайно интересенъ теоретически и важенъ практически. Разумѣются ли подъ этими двумя названіями два *различныя* чувства? Или альтруизмъ и



*) Это разсужденіе объ „Альтруизмѣ и христіанской любви“, выходящее теперь *вторымъ* изданіемъ, еще въ 1892 году обратило на себя вниманіе извѣстнаго канониста, профессора Павлова, съ своей *положительной* стороны, но оно носило тогда отчасти полемическій характеръ. Настоящее изданіе освобождено отъ этого устарѣлаго полемическаго элемента, который для современныхъ читателей способенъ скорѣе затруднить сравненіе „Альтруизма“ и „Христіанской любви“, какъ основъ морали. Ред.

христіанская любовь—*одно и то же* чувство, дающее въ своемъ развитіи одни и тѣ же этическія послѣдствія?

Очень многіе, едва ли не большинство нашихъ современниковъ, не различаютъ этихъ чувствъ и понятій. Многіе даже не считаютъ полезнымъ различать, полагая, что такими разграниченіями создается только безплодное расхожденіе между христіанствомъ и внѣрелигіозной моралью. Выраженія „альтруизмъ“ и „христіанская любовь“ употребляются безразлично—даже у многихъ духовныхъ писателей.

Въ дѣйствительности это объединеніе альтруизма и любви въ христіанскомъ смыслѣ —я полагаю —совершенно ошибочно теоретически, а практически способно угрожать не только чистотѣ христіанской морали, но даже въ корнѣ искажать ея смыслъ.

Оговорюсь, что я вовсе не хочу подчинять разысканія *истины* какимъ бы то ни было чисто практическимъ соображеніямъ о пользѣ. Вопросъ о томъ, что̀ полезнѣе для людей—альтруизмъ или христіанская любовь—я совершенно предоставляю свободному рѣшенію ума и совѣсти каждаго. Но именно въ интересахъ истины —настаиваю на полномъ различіи и противоположности

между альтруизмомъ и христіанской любовью. Смѣшивая эти два чувства, христіанинъ впадаетъ въ „грѣхъ мысли“. А по каноническому посланію св. Григорія Нисскаго, „грѣхи, касающіеся мысленной способности души, признаны отъ отцовъ *тягчайшими*“. Въ этомъ отношеніи христіанство и наука совершенно, какъ видимъ, сходятся. „Грѣхъ мысли“, т. е. ошибка въ пониманіи факта, создаетъ ложь въ научномъ смыслѣ, создаетъ ложь и въ христіанскомъ смыслѣ. Разбирая вопросъ объ отношеніяхъ между альтруизмомъ и христіанскимъ чувствомъ любви, мы должны руководствоваться исключительно соображеніемъ о томъ—что есть *правда*? Одно ли и то же это чувство, или два различныя чувства? А полезно или не полезно создавать перегородки между христіанами и нехристіанами—это уже вопросъ прикладной пользы, не относящійся къ вопросу о правдѣ. Я только твердо вѣрю въ то, что *истина* не можетъ быть вредна *истинѣ*. Значитъ, всякая правда полезна для христіанства, а всякая ошибка мысли можетъ быть лишь вредна ему.

„Грѣхи мысли“ признаны отъ отцовъ „тягчайшими“ изъ всѣхъ...

II.

Альтруизмъ—есть высшее нравственное понятіе, до котораго доработалась человѣческая мысль, оставившая почву христіанства. Любовь—есть высшее нравственное понятіе, открытое людямъ христіанствомъ. Одно ли это понятіе? Конечно, люди естественнымъ путемъ могутъ доходить до пониманія нѣкоторыхъ истинъ, которыя показываетъ и Откровеніе.

Есть однако кое-какія соображенія, дѣлающія очень сомнительнымъ, чтобы въ данномъ случаѣ истина естественная совпала съ истиной откровенной.

Если-бы допустить тождественность альтруизма и христіанской любви, то должно было бы признать, что христіане и нехристіане живутъ однимъ и тѣмъ же нравственнымъ началомъ. Если-бы это было такъ, то пришлось бы далѣе признать, что религіозный элементъ не имѣетъ для этики никакого *реальнаго* значенія.

Въ самомъ дѣлѣ: человѣкъ не имѣющій о Богѣ никакого понятія, не прибѣгающій къ помощи Божіей и даже отвергающій ее —живетъ, говорятъ намъ, совершенно *тою же* нравственною жизнію, какъ христіа-

нинъ, который и милостію Божіей, и личными усиліями, и благодатною помощью Церкви, представляетъ живой храмъ, мѣсто, гдѣ почиваетъ Господь. Если бы факты были таковы, то, стало быть, наше отношеніе къ Богу и обратно не имѣетъ никакого значенія для нравственной жизни. Но эта точка зрѣнія совершенно несовмѣстима съ христіанствомъ. Христіанство есть религія духовной жизни, жизни въ Богѣ; вся ея сущность въ нравственномъ мірѣ. Доказать, что нравственная жизнь съ Богомъ или безъ Бога совершенно одинакова, это значило бы доказать, что бытіе Божіе не имѣетъ никакого реальнаго значенія.

Эти выводы заставляютъ усомниться въ правильности посылокъ, ихъ дающихъ, т. е. въ точности отождествленія альтруизма и христіанской любви. Нельзя также не обратить вниманія на то, что при установкѣ „научной", внѣхристіанской морали понадобился именно *новый* терминъ. Христіанское понятіе и терминъ *любви* существовали уже почти двѣ тысячи лѣтъ, и однако Адамъ Смитъ счелъ нужнымъ въ основу своей морали положить *сочувствіе*, *симпатію*, хотя онъ вообще противъ христіанства ничего особеннаго не имѣетъ.

Огюстъ Контъ, устанавливая основы нравственности, опять предпочелъ сочинить новый терминъ—*альтруизмъ*.

Это исканіе новыхъ терминовъ никакъ не было дѣломъ прихоти. Тонкіе аналитическіе умы Смита и Конта не могли не увидѣть, что чувство, ими разбираемое, совсѣмъ не то, которое христіанство опредѣляетъ какъ *любовь*. Это чувство не было незнакомо христіанскимъ отцамъ, великимъ и тонкимъ психологамъ. Но чувство это порядка низшаго (съ ихъ точки зрѣнія). Оно для христіанскихъ отцовъ ничуть не основа морали, *а лишь психологическая почва, на которой можно возрастить дѣйствительную любовь*. Они и пользовались ею такъ же, какъ пользовались и почвой эгоизма, но въ основу ставили иное чувство. Для моралистовъ „научныхъ“, которые хотѣли анализировать нравственность внѣ какихъ бы то ни было „предположеній“ о Богѣ, являлась напротивъ необходимость опереться именно на чувствѣ человѣка, какъ животнаго кроткаго и общительнаго. Приходилось дать ему особое названіе, симпатіи или альтруизма, такъ какъ съ христіанскою любовью оно не совпадало. Поэтому и явился *новый терминъ*.

III.

Не трудно убѣдиться, что О. Контъ былъ въ этомъ правъ. У человѣка въ дѣйствительности есть и то, что христіанство культивируетъ, какъ *любовь*, и то, что позитивная мораль культивируетъ, какъ *альтруизмъ*. Это послѣднее, какъ сказано, было извѣстно христіанству.

Св. Василій Великій объясняетъ, что Богъ, ставя предъ человѣкомъ обязанность развивать въ себѣ чувство *любви*, даетъ ему для этого возможность и облегченіе въ видѣ извѣстныхъ природныхъ свойствъ, которыя св. отецъ не боится свести почти въ зоологическую область. „Кто не знаетъ, говоритъ онъ, что человѣкъ есть животное кроткое и общительное, а не уединенное и дикое“. (*Творенія*, т. V, стр. 96, изд. 1892 г.) Хотя такимъ образомъ этотъ „альтруизмъ“ кроется даже въ животной природѣ человѣка, однако, какъ тутъ же напоминаетъ св. Василій Великій, Христосъ въ „любви“ принесъ намъ „заповѣдь *нову*“. Ясно, что новая заповѣдь не тождественна съ первобытнымъ зоологическимъ инстинктомъ, иначе — она не была бы „новою“. Ясно, что предъ христіаниномъ поставлена не совсѣмъ та

нравственная жизнь, которая свойственна человѣку, какъ „животному кроткому и общительному“.

И это вполнѣ вѣрно. Собственно альтруизмъ есть простая противоположность эгоизму и даже считается простымъ его метаморфозомъ, почему и содержаніе его постоянно измѣряется тѣмъ или инымъ отношеніемъ къ эгоизму. Христіанская же *любовь* не есть противоположность эгоизму; она имѣетъ совершенно иной источникъ, иное содержаніе, столь же мало противорѣчащее эгоизму, какъ и не совпадающее съ нимъ. Это чувство совсѣмъ иной категоріи, не душевное, а *духовное*. Оно истекаетъ отъ Бога.

При данной природѣ человѣка альтруизмъ существовалъ бы и въ томъ случаѣ, если бы Бога совсѣмъ не было. Любовь же обязана своимъ существованіемъ исключительно тому, что „Богъ любы есть“ (I Іоан. 4, 8) и живетъ въ насъ. Потому св. Іоаннъ Лѣствичникъ опредѣляетъ, что „любовь по качеству своему есть *уподобленіе* Богу“ (*Лѣствица*, слово 30, 7). „Любовь къ Богу, говоритъ митрополитъ Филаретъ, есть душа истинной любви къ ближнему“ (*Слова и Рѣчи* т. IV, стр. 169). Весьма также выразительны относящіяся къ этому предмету разсужденія св. Василія Великаго.

Великій учитель поясняетъ, что „вмѣстѣ съ устроеніемъ человѣка вложенъ въ насъ въ видѣ сѣмени какой-то законъ, въ самомъ себѣ заключающій побужденіе къ общенію любви“ (Твор. V, 89); но правильный ростъ этого сѣмени долженъ направлять любовь прежде всего именно къ Богу. Извращеніе же этого нормальнаго направленія крайне гибельно.

„Трепещу“, говоритъ св. Василій Великій, „чтобы по *невнимательности ума* или *по занятію суетнымъ* не отпасть отъ любви къ Богу. Ибо тотъ, кто нынѣ обольщаетъ насъ и мірскими приманками старается произвести въ насъ забвеніе о Благодѣтелѣ, къ погибели душъ нашихъ ругается“ и т. д. (ib. 95). Это замѣчательное мѣсто прямо попадаетъ по адресу альтруистовъ. Они, какъ и св. Василій Великій, знаютъ, что человѣкъ есть животное кроткое и общительное. Но какъ „по невнимательности ума“, такъ и „по занятію суетнымъ“ они поддались вліянію, которое „мірскими приманками старается произвести въ насъ забвеніе о Благодѣтелѣ“. Они Его забыли, не стали принимать во вниманіе, и свою мораль рѣшили построить на томъ первобытномъ чувствѣ, которое ведетъ всякое животное къ общественности.

На этой основѣ, съ уничтоженіемъ *духовнаго* воздѣйствія, единственнаго источника христіанской морали, разработанъ альтруизмъ.

Человѣкъ невѣрующій скажетъ, что это одно словесное различіе. Скинуто со счетовъ нѣчто невѣсомое, неосязаемое, нѣчто такое, что при положительномъ разсужденіи не можетъ быть схвачено. Есть ли оно, нѣтъ ли его,—какъ это доказать?

Это—обычная исторія въ разсужденіяхъ съ невѣрующими. Но для христіанина различіе съ первыхъ же словъ очень реально. А засимъ—даже для невѣрующаго, при дальнѣйшемъ анализѣ, становится ясно, что присутствіе или отсутствіе этого „невѣсомаго", недоказуемаго, сказывается уже вполнѣ осязательными послѣдствіями и различіями.

IV.

Посмотримъ, дѣйствительно, что культивируется въ христіанской любви, и что культивируется въ альтруизмѣ.

Любовь отъ Бога, живетъ Богомъ, приходитъ къ Богу. Но чѣмъ живетъ альтруизмъ? Какъ любовь имѣетъ своимъ источникомъ существо Божіе и сотвореніе Имъ

людей, такъ альтруизмъ имѣетъ источникомъ существо общественной жизни и ея воздѣйствіе на эгоистическую личность человѣка. Желая возрастить въ себѣ „сѣмя любви“, христіанинъ восходитъ къ Богу и къ Божественному отраженію въ личности ближняго. Если сѣмя любви (какъ это обычно) задавлено толстымъ слоемъ эгоистической страсти, мѣшающей его росту, то христіанина спасаетъ опять Богъ, страхъ Божій, котораго тяжкое давленіе ломаетъ страсть.

У альтруиста во всей этой культурѣ „сѣмени любви“ Богъ повсюду замѣняется *обществомъ*. Восходя къ источнику своего чувства, альтруистъ находитъ „благодѣтельное общество“; въ случаяхъ искушенія страсти онъ находитъ поддержку въ страхѣ предъ общественнымъ мнѣніемъ или даже предъ карой закона.

Эта замѣна Бога обществомъ составляетъ страшный обманъ, понятный для христіанина. Это искуснѣйшая борьба противъ Христа, предъ которою дѣтски наивны грубые обманы язычества. Но какое дѣло до всего этого невѣрующему? Что, кромѣ словесныхъ различій, можетъ онъ найти въ этой замѣнѣ?

Различіе однако очень существенное.

Мы видимъ, что альтруизмъ упраздняетъ *личное* начало и на его мѣсто ставитъ *коллективное*. Хорошо это или дурно, — оставимъ пока на оцѣнку желающихъ. Но различіе ясно.

Въ основѣ христіанской морали, какъ высочайшій законъ, лежитъ свойство Божественной Личности. Даже всеобщее единеніе вѣрующихъ совершается не иначе, какъ въ Божественной Личности, причемъ общій идеалъ святости не уничтожаетъ тончайшихъ оттѣнковъ личнаго различія людей, въ Богѣ живущихъ. Соціальный интересъ не чуждъ христіанину, какъ существу земному, но является вполнѣ подчиненнымъ, несамостоятельнымъ. Въ альтруизмѣ развивается совершенно обратное отношеніе: личность подчиняется обществу.

При этомъ нравственныя свойства личности, опредѣляясь условіями общественной жизни, перестаютъ быть устойчивыми. Является неизбѣжно *эволюція морали*. И это не ошибка. Чувство человѣка, какъ животнаго кроткаго и общительнаго, измѣняемо. У христіанина, напротивъ, основа морали неизмѣнна, потому что она находится не внизу, а вверху. Неизмѣнный Богъ привлекаетъ къ Себѣ измѣняемаго человѣка; жи-

вотная почва—измѣняется, а *идеалъ*, являющійся одновременно и источникомъ силы—вѣченъ. Отсюда и христіанская идея о *раскрытіи* истины въ противоположность *развитію*. Раскрытіе есть лишь осуществленіе вѣчнаго, бывшаго всегда, но только обнаружившагося въ данный моментъ. Наступленіе христіанскаго совершенства—изображается Пророкомъ въ такихъ словахъ: „Вотъ, наступаютъ дни, говоритъ Господь, когда Я заключу съ домомъ Израиля и съ домомъ Іуды новый завѣтъ... Вложу *законы Мои* въ мысли ихъ и напишу ихъ на сердцахъ ихъ", такъ что уже не будутъ учить одинъ другого, а каждый самъ будетъ знать Господа. (Іеремія XXXI, 33—34, а также Евр. VIII, 8, 10—11).

Новый *завѣтъ* есть лишь *раскрытіе* Божественнаго содержанія, которое у Бога было и раньше. Человѣкъ еще не обладалъ этимъ содержаніемъ, но оно было у Того, Кто есть Источникъ нравственности.

Такимъ образомъ источникъ нравственной силы, къ которому зоветъ и ведетъ христіанство, вѣченъ и абсолютенъ, и этотъ Источникъ есть въ то же время—Личность. *Высота личности* составляетъ поэтому самую основу христіанской морали, измѣряясь не чѣмъ-либо находящимся внѣ

ея, а Божественными свойствами, составляющими ея собственную природу.

При отстраненіи этого источника Божественной Личности и при постройкѣ морали на животныхъ свойствахъ—этика перестаетъ быть абсолютною. Ее начинаютъ опредѣлять измѣняемыя и измѣняющіяся условія общественной жизни.

Поэтому, при замѣнѣ Бога обществомъ, личность, въ самомъ существенномъ, основномъ свойствѣ своемъ—въ жизни нравственной—перестаетъ быть силой самостоятельною и подчиняется началу безличному, нѣкоторому процессу природы, составляющему *общественный организмъ* или *общественный процессъ*.

Этимъ совершенно измѣняется наше отношеніе къ личности. Люди видятъ передъ собою нѣчто высшее, нежели личность,—общественную коллективность,—и ихъ симпатіи переходятъ на это высшее, какъ болѣе прекрасное, болѣе великое, а главное—самодовлѣющее. Какъ ни обманывай умъ человѣка „по стихіямъ міра сего“, а душа у него все та же—какъ создалъ ее Богъ—и тянется къ тому, что ей кажется самодовлѣющимъ.

БИБЛІОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.

V.

Поэтому, разъ „невнимательность ума“ и „занятіе суетнымъ“ привели людей къ забвенію истинной основы нравственной жизни, направленіе ихъ сочувствія все болѣе искажается. Альтруизмъ приводитъ человѣка къ привязанности не личной, а *соціальной*. *Вполнѣ* извратить природу невозможно. Но всею силой культуры альтруизмъ ведетъ насъ къ тому, чтобы сочувствовать болѣе всего не конкретной, дѣйствительно существующей личности, а отвлеченной *средней* личности. Она, ея судьбы, ея предполагаемыя и опредѣляемыя теоретически (по „общественнымъ“ законамъ) нужды—вотъ что начинаетъ насъ интересовать.

Христіанинъ любитъ ближняго самого по себѣ, безо всякаго отношенія къ судьбамъ человѣчества. Альтруистъ любитъ въ личности собственно орудія развитія человѣчества.

Отсюда идутъ дальнѣйшія важныя послѣдствія. Между альтруистомъ и ближнимъ становится человѣчество, которое и опредѣляетъ, какъ и кого должно любить или даже ненавидѣть. Ближніе поэтому распадаются на два разряда: одни, способствующіе развитію человѣчества, другіе, ему мѣщающіе

Христіанинъ не можетъ исключить изъ своего сожалѣнія даже самаго великаго грѣшника, который въ концѣ-концовъ вредитъ все таки больше всего самому себѣ. Альтруистъ, относящійся къ конкретной личности не прямо, а черезъ общечеловѣческія соображенія, поступилъ бы нелѣпо-если-бы сохранилъ то же сожалѣніе.

Конечно, повторяю, природу *вполнѣ* исказить нельзя. Сверхъ того, альтруисты обыкновенно получаютъ первоначальное воспитаніе не на своей, а на *христіанской* морали. Поэтому послѣдствія альтруистической морали въ нихъ болѣе или менѣе долго парализуются остатками христіанскихъ вліяній.

Но стоитъ понаблюдать любого дѣятеля, горячо отдавшагося альтруистическому теченію, чтобы видѣть, какъ онъ (съ христіанской точки зрѣнія) уродуется въ какія-нибудь 10—15 лѣтъ. *Его отношенія къ каждому конкретному человѣку начинаютъ опредѣляться не свойствами этого человѣка, а его ролью въ социальномъ процессѣ.*

Человѣчество—вотъ божество „альтруиста“, онъ любитъ только тѣхъ, кто служитъ, по его понятіямъ, человѣчеству, а предполагаемыхъ „враговъ“ этого воображаемаго человѣчества готовъ уничтожать

со всею страстію фанатика; во всякомъ случаѣ онъ отъ души ихъ ненавидитъ....

VI.

Въ результатѣ культуры общаго у людей „сѣмени любви“ получается два совершенно различныя растенія, смотря по тому, на какой почвѣ мы его возращаемъ. У христіанина является: любовь къ *человѣку*, къ данному конкретному существу; получается мораль общая, ко всѣмъ одинаковая. У альтруиста развивается любовь къ отвлеченному, *среднему* человѣку; въ конкретѣ же— правила морали двойныя: одни для своихъ, другія для чужихъ.

Конечно, у плохихъ христіанъ и плохихъ альтруистовъ эта разница менѣе рѣзка. У великихъ христіанскихъ подвижниковъ и великихъ дѣятелей альтруизма—„общественнаго блага“—она напротивъ бьетъ въ глаза. Это какъ будто два существа различныхъ породъ.

Итакъ, что бы мы ни думали о „невѣсомомъ“ и „недоказуемомъ“ началѣ, служащемъ основой христіанской морали т. е. Богѣ, ясно во всякомъ случаѣ, что моральная жизнь христіанина и альтруиста практически совершенно не одинаковы не только

въ чемъ-нибудь неосязаемомъ, духовномъ, а въ проявленіяхъ вполнѣ наглядныхъ.

Альтруисты типичные, горячіе и проницательные всегда это сами чувствуютъ или даже понимаютъ. Поэтому съ поконъ вѣковъ они считаютъ христіанъ „плохими гражданами“ и христіанство вообще недолюбливаютъ. А между тѣмъ можно безъ ошибки сказать, что альтруисты и тутъ ошибаются, и что величайшіе успѣхи человѣчества достигнуты духомъ именно этихъ „плохихъ гражданъ“. Радѣтели же „общественнаго блага“, подрывающіе корни христіанства, уничтожаютъ *источникъ* всего добраго, что еще сохранилось въ нихъ самихъ.

VII.

Это послѣднее обстоятельство очень важно съ точки зрѣнія отношенія христіанства къ альтруизму. Какъ въ самомъ дѣлѣ относиться къ нему? Теоретически—моральное несовершенство альтруизма—и его противоположность христіанскому чувству любви несомнѣнны. Но возможно ли практически какое либо соглашеніе между христіанствомъ и альтруизмомъ? Мнѣ кажется, что возможно лишь соглашеніе съ *людьми*, а никакъ не съ этой системой морали.

Христіанская мораль считаетъ возможнымъ пользоваться для развитія любви тѣмъ же первобытнымъ животнымъ чувствомъ, на которомъ воздвигается альтруизмъ. Но тутъ важно помнить два обстоятельства.

Во-первыхъ, это чувство только *духовнымъ* воздѣйствіемъ, а не самостоятельно развивается въ любовь. „Забвенія о Благодѣтелѣ“ никоимъ образомъ нельзя допускать, коль скоро мы хотимъ изъ *сочувствія* развить *любовь*. Пока нѣтъ нѣкотораго, хотя минимальнаго, исканія Бога, *любви* изъ сочувствія не выйдетъ.

Во-вторыхъ, нельзя не замѣтить, что простое первоначальное *сочувствіе* (симпатія) тѣмъ пригоднѣе для развитія любви, чѣмъ менѣе оно развилось въ законченный „альтруизмъ“.

Сочувствіе, симпатія—чувство не особенно высокое. Въ сущности это есть проявленіе эгоизма, вслѣдствіе котораго мы испытываемъ радость или страданіе не только прямо, но и посредствомъ *отраженія* въ насъ чужого горя или радости. Пока это чувство симпатіи таково, какъ оно дано Богомъ, оно полезно для развитія любви, потому что помогаетъ замѣтить въ ближнемъ Божественное начало, и тѣмъ даже помогаетъ легче

ощутить его въ насъ самихъ. Но это лишь до тѣхъ поръ, пока мы живо сочувствуемъ именно *конкретной* личности.

Когда же, при помощи культуры альтруизма, прямое *сочувствіе* съ конкретнымъ существомъ ослабѣваетъ, а вмѣсто этого является обманчивое и собственно фиктивное сочувствіе къ несуществующему *среднему* человѣку, дѣло измѣняется.

Природное, здоровое сочувствіе тутъ въ сущности исчезаетъ, и эгоизмъ не ослабляется, а возрастаетъ.

Чему мы сочувствуемъ въ *среднемъ*, отвлеченномъ человѣкѣ?

Вѣдь такого человѣка нѣтъ, и быть не можетъ. Мы тутъ просто создаемъ себѣ нѣкоторое теоретическое представленіе, комбинацію разныхъ свойствъ, отражающихъ наши *собственные* вкусы, понятія, желанія. Мы въ этомъ своемъ созданіи, какъ въ зеркалѣ, смотримъ *на самихъ себя* и лишь воображаемъ, будто-бы *сочувствуемъ* кому то другому. Но въ зеркалѣ нѣтъ никого другого, а только нашъ собственный образъ.

Такимъ образомъ, въ *развитомъ альтруизмѣ мы возвращаемся къ чистому эгоизму*, но уже не къ тому грубому, здоровому эгоизму, какой Богъ вложилъ въ животное

для его самосохраненія, а къ эгоизму, соединенному съ обманомъ самого себя, эгоизму болѣзненному, воображающему себя чѣмъ то возвышеннымъ. Если даже естественный, животный эгоизмъ, чтобы не мѣшать росту любви, требуетъ обузданія страхомъ Божіимъ, то этотъ утонченный, такъ-сказать, извращенный эгоизмъ, представляетъ еще болѣе плохую почву для возрощенія „сѣмени любви", нормально развивающагося только при любви къ *личности*, а не къ отвлеченнымъ формуламъ и представленіямъ.

Поэтому христіанская идея ни въ какіе компромиссы чувства любви и чувства альтруизма входить не можетъ. Только во имя Божіе человѣкъ можетъ любить искренно и правдиво другого человѣка. Только по побужденіямъ этой христіанской любви можемъ мы благодѣтельно воздѣйствовать и на общественный процессъ. Не человѣческое, а Божье дѣло должны мы созидать въ міровомъ процессѣ Исторіи, если хотимъ дать благо и отдѣльнымъ личностямъ и ихъ коллективнымъ союзамъ—обществу и государству. Въ этомъ отношеніи та или иная *система морали* имѣетъ всеопредѣляющее значеніе для результатовъ нашей дѣятельности.